

эту причину всемогущей в том смысле, в каком понимаем всемогущество мы, это привело бы ко многим несообразностям». Эти несообразности, кстати, покрывают все поле философии. Естественный разум не в состоянии помыслить абсолютно всемогущего Бога, не делая непостижимым для себя существование вторых причин. Зачем они нужны, если первопричина может все совершить

сама, без них? К тому же в этом случае непонятно, существуют ли в мире пороки и зло, ибо Бог становится лично ответственным за все произведенные действия. Во всех этих вопросах — а их можно было бы указать больше — Дуне Скот, по-видимому, считал философию слепой от рождения, без всякой надежды на исцеление. Св. Фома не был столь разочарован в философии, ибо он преобразовал ее: его творчество — это победа теологии внутри философии. Дуне Скот разочаровался в чистой философии, потому что принял ее как непреложный факт: его творчество — это лишь победа теологии над философией. Так что дух обоих мыслителей различен по существу.

Если изложенное выше верно хотя бы отчасти, то можно лучше понять, в каком затруднительном положении оказывается история философии в связи с творчеством Дунса Скота. Чрезвычайно трудно установить, что он сам считал чисто философской проблематикой, то есть что он считал истиной, доступной чистому разуму. Не осмеливаясь отвечать вместо него, можно по крайней мере поставить еще один вопрос. Вся метафизика Скота покоится на понятии бытия, под которым однозначно понимается «все, что есть». Дуне Скот полагает, что это понятие и есть подлинный предмет метафизики, так же, как и она есть подлинный предмет человеческого ума. Он знает, что таково было мнение Авиценны, который был философом; но он также знает, что другой философ, Аристотель, отождествлял подлинный предмет человеческого ума с бытием чувственно воспринимаемой сущности. Авиценна прав, но Дуне Скот считает, что если Авиценна смог сделать такой шаг вперед и тем самым расширить область метафизики, то это потому, что он был мусульманином. Следовательно, Авиценна только потому лучший из философов, что он был еще и теологом. В этом смысле принципиально важен фрагмент «Пролога» из «Opus oxoniense» (I, 2, 12): «Нужно отрицать то, что здесь утверждается, а именно, что мы естественным образом

Глава IX Философия в XIV веке

460

знаем, что бытие есть первый объект нашего интеллекта, причем совершенно безразлично, идет ли речь о бытии чувственно воспринимаемых или чувственно не воспринимаемых вещей. Сказанное Авиценной не позволяет заключить, что это известно естественным образом. На самом деле он примешал к философским вопросам свою религию — религию Мухаммеда (*miscuit enim sectam suam, quae fuit Mahometi, philosophicis*); есть вещи, которые он назвал философскими и доказываемыми разумом, и есть вещи, согласные с его религией». Теперь поставим наш вопрос: существует ли в учении, где естественный разум не может даже знать, каков первый объект разума, единственная метафизическая проблема, решение которой может быть найдено с помощью одного лишь естественного разума? Например, доказательства существования Бога основаны как раз на понятии универсального и однозначно понимаемого бытия. Если мы не можем узнать с помощью одного лишь разума, что это понятие есть подлинный объект естественного разума и метафизического познания, то можем ли мы претендовать на знание посредством только разума хотя бы о существовании Бога?